

личался стабильностью. Здесь можно выделить два этапа, руководствуясь в качестве основного критерия такой периодизации оценкой региона Россией с точки зрения наращивания своего международного влияния:

- 1991–2000 гг. — период ориентации России на Запад, условное взаимодействие в рамках СНГ со странами постсоветского пространства и стремление стать равным партнером с ведущими мировыми державами, а как следствие — стремление дистанцироваться от наследия СССР, уступки в региональных позициях ради увеличения веса на Западе;
- с 2000 года по настоящее время — период, в течение которого в России произошел пересмотр курса на наращивание собственного веса на международной арене за счет потенциала постсоветского пространства, попытки восстановления собственного влияния в Центральной Азии вплоть до интеграционных инициатив, а также попытки формирования собственных военно-политических и экономических блоков на постсоветском пространстве и в Центральной Азии.

Первый период формирования внешней политики РФ в отношении Центральной Азии начинается с момента распада Советского Союза, который полностью перестроил систему международных отношений на постсоветском пространстве. Создание СНГ, ставшее итогом «парада суверенитетов», имело целью не построение новой системы отношений, а создание инструмента для предотвращения неуправляемого распада СССР, что сказалось и на национальном размежевании в Центральной Азии. В результате в рамках СНГ данная задача была выполнена, но дальнейший потенциал этого союза не был реализован ни одним из участников, в том числе и неформальным лидером, Россией.

Столкнувшись с собственными экономическими и внутриполитическими трудностями в 1990-е годы Россия стремилась дистанцироваться от еще более слабых в экономическом отношении бывших республик СССР, что стало в итоге поводом для роста недоверия со стороны части политических элит новых республик к России и проявления обид со стороны многомиллионного этнически русского населения, оставшегося в новых государствах без поддержки. Свидетельством полной потери интереса к Центральной Азии является

А.И. Суздальцев, Д.В. Куркова

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Распадом Советского Союза у юго-восточных границ России образовались пять независимых государств, которые сейчас формируют регион, именуемый Центральной Азией. Граница с этим регионом — одна из самых протяженных в России: более 6000 км. Россию и Центральную Азию связывает многолетний, а с некоторыми областями многовековой опыт совместной истории. Это — фактически единственная часть постсоветского пространства, которая относительно однородно сохранила лояльность к России после распада СССР. В силу этих обстоятельств регион, прежде всего эмоционально, расценивается Россией как зона собственных интересов.

Развитие Центральной Азии сопряжено с большими внутренне-региональными проблемами, оказывающими сдерживающее воздействие на ее развитие. В числе таковых необходимо выделить унаследованную с советских времен водно-энергетическую проблему, сказывающуюся на общей конфликтности в регионе. В первую очередь внимание привлекают напряженные отношения претендующего на региональное лидерство Узбекистана с Киргизией и Таджикистаном. Об угрозе эскалации насилия и начале военных действий не раз заявляли первые лица этих государств. Экономически слабые и политически нестабильные Киргизия и Таджикистан стали коридорами для транспортировки наркотиков из Афганистана на запад, а также привлекают внимание исламских радикалов. Несмотря на указанные риски, регион входит в зону интересов крупных региональных лидеров, таких как Китай и Россия. Регион входит в зону интересов и глобального лидера — США. Соответственно возникает вопрос о месте региона во внешнеполитических приоритетах России и перспективах взаимодействия с другими внешнеполитическими игроками.

Внешнеполитический курс России в отношении Центральной Азии за последние 23 года, период их независимости, никогда не от

игнорирование Россией даже ключевых для себя вопросов обеспечения собственной безопасности. Приостановление поддержки Афганистана привело в итоге в начале 1990-х годов к гуманитарной катастрофе в Таджикистане и активизации наркотрафика в РФ.

Подписанный в 1992 году Договор о коллективной безопасности в течение десяти лет оставался крайне неэффективным. Он был направлен на внешние угрозы, но никак не способствовал внутренней стабилизации. Более того, в конце 1990-х годов он стал мерилом лояльности к России, с одной стороны, и инструментом для реализации российских интересов на постсоветском пространстве, с другой.

Во второй половине 1990-х годов начался процесс пересмотра приоритетов российской внешней политики по отношению к Центральной Азии, что было связано прежде всего с обострением проблемы региональной безопасности (гражданская война в Таджикистане, концентрация власти в Афганистане в руках Талибана). Подписанные в 1996–1997 гг. соглашения, послужившие основой «Шанхайской пятерки», стали одним из проявлений нового вектора российской внешней политики. Одним из факторов, определивших этот поворот во внешнеполитическом курсе России, стал рост угрозы исламского экстремизма и терроризма. Боевые действия в середине 1990-х годов в Чечне и террористические акты в Буйновске, Кизляре и Москве показали, что чеченские радикалы действуют при поддержке международного террористического подполья. Приход к власти в Афганистане талибов и заключение хасавюртских соглашений в 1996 году стали поворотной точкой в активизации России в сфере безопасности в Центральной Азии. Однако до начала 2000-х годов динамика в развитии интереса РФ к Центральной Азии оставалась достаточно низкой, хотя новый регион, подверженный серьезным рискам со стороны соседнего Афганистана, начал притягивать внимание США и региональных лидеров. Более того, сам регион активно искал внешних партнеров для гарантий собственной стабильности, поскольку внутренние ресурсы для контроля над ситуацией оказались крайне скудными. Если бы в данном случае Россия проявила внешнеполитическую пассивность, то в итоге через определенное время она была бы полностью вытеснена из региона.

Ситуация усугубилась тяжелыми процессами экономической трансформации на постсоветском пространстве, в ходе которых советская производственная кооперация была разрушена. Выход полу-

чивших независимость стран из рублевой зоны существенно осложнил товарно-денежные отношения. Сырьевой экспорт, на который были ориентированы экономики среднеазиатских республик, не находил спроса у переживавшей резкий спад российской промышленности. Производственно-технологические комплексы, формировавшие экономическую комплиментарность советских республик, оказались разорваны границами новых государств. В результате экономики центральноазиатских стран в 1990-е годы вошли в состояние глубокого экономического кризиса, произошел возврат к аграрно-промышленному укладу, а в некоторых районах — к аграрному. В условиях подъема националистических настроений и общей нестабильности массовая эмиграция русскоязычного населения и высококвалифицированных кадров ускорили деградацию местных экономик.

Пассивная позиция России спровоцировала формирование в регионе геополитического вакуума. Необходимость поиска новых партнеров в условиях резкого падения товарооборота с Россией привела на рынки Центральной Азии новых игроков. Тем временем с разной степенью интенсивности в странах Центральной Азии шли процессы либерализации экономики. В рамках привлечения иностранных инвестиций была проведена приватизация ключевых промышленных отраслей, в том числе и добывающей. Как следствие, крупные нефтяные и газовые месторождения в Прикаспийской низменности, а также месторождения руд ценных металлов, урана и хрома были выкуплены ТНК. Будучи изначально монополистом в области транзита центральноазиатских углеводородов в начале 1990-х годов в силу использования советской системы трубопроводов, Россия не смогла долго удерживать монополию. В итоге вследствие ослабления своего присутствия в Центральной Азии в начале 1990-х годов России пришлось позже столкнуться с рынком, на котором уже активно действовали международные игроки. Постсоветский гандикап России в Центральной Азии за эти годы был существенно утрачен.

Необходимо признать, что в 1990-е годы существовали объективные факторы, мешавшие России наращивать свое присутствие в Центральной Азии с тем, чтобы сохранить свое геополитическое влияние в регионе. Низкие цены на нефть и тяжелая экономическая ситуация, сложившаяся в результате перехода к рыночной экономике, привели к кризисным явлениям в социально-экономической сфере в РФ. Они

особенно усугубились в середине 1990-х годов военными действиями в Чечне и чередой террористических актов.

Слабый авторитет администрации президента Б.Н. Ельцина как во внутриполитической жизни, так и на международной арене, привел к дискредитации России как сильного партнера в глазах центральноазиатских государств. Однако нельзя отрицать, что в 1990-е годы Центральная Азия осознанно была исключена из внешнеполитических приоритетов России. Постсоветское пространство в целом расценивалось, скорее, в качестве препятствия, чем источника усиления России на международной арене.

В начале 2000-х годов во внешнеполитическом курсе России, как отмечалось, произошли существенные изменения, во многом определившиеся не только сменой власти в Кремле, но социальными и экономическими трансформациями в стране. Позже они были обозначены президентом В.В. Путиным как прагматизм и многовекторность¹.

Благоприятная ситуация на нефтяных и газовых рынках позволила России решить наиболее острые внутренние экономические и социальные проблемы. В то же время нарастало понимание того, что прежний внешнеполитический курс не принес желаемых результатов, усиливалось разочарование в курсе на демократизацию любой ценой и гармонизацию отношений с Западом после холодной войны, так как становилось очевидным, что формальное участие России в международных институтах глобального управления не делало ее равноправным партнером для Запада в то время как влияние России на постсоветском пространстве постоянно сокращалось. Вследствие атаки террористов на США в 2001 году и начала военной операции в Афганистане США начали наращивать свое военное присутствие в Центральной Азии². Первые на территории СНГ появились американские военные базы (Манас, Киргизия; Ханабад, Узбекистан), что стало для Москвы показателем потери собственного веса в регионе. Этот момент можно считать поворотным в политике России в Центральной Азии. Ситуативная реакция на действия США и начало со-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (2013) // URL: <http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEB7DA644257B160051BF7F>

² Contributions of Central Asian Nations to the Campaign against Terrorism, Senate Hearing 107-397, 2001, 13 Dec. // URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-107shrg77602/html/CHRG-107shrg77602.htm>

перничества с Вашингтоном за влияние в регионе послужили началом стратегической программы по смене внешнеполитического вектора. В результате во внешней политике была сделана ставка на наращивание собственного геополитического потенциала за счет территорий, традиционно входивших в зону российских интересов.

Сфера безопасности стала основной точкой приложения усилий. Фактически не работающий Договор о коллективной безопасности в 2002 году явился базой для организации военно-политического союза ОДКБ. Были созданы коллективные силы быстрого развертывания, открыта военная база в Канте (Киргизия). При этом деятельность ОДКБ была расширена за пределы сотрудничества исключительно в военной сфере. Одной из целей организации была объявлена борьба с терроризмом и другими угрозами безопасности — с наркотрафиком, нелегальной миграцией и др. Итогом такого расширения сферы действия организации стал саммит 2007 года в Душанбе, где был подписан Меморандум о сотрудничестве ОДКБ и ШОС³. В результате России, несмотря на десятилетие крайне пассивной позиции в отношении Центральной Азии, в 2000-х удалось заявить о себе как о региональном арбитре в вопросах безопасности и внутренней стабилизации региона, а совместно с Пекином попытаться создать альтернативный американскому полюс притяжения в регионе.

Однако нельзя отрицать, что данные успехи российской внешней региональной политики связаны не только с эффективной российской инициативой, но и с тем, что за первые годы сотрудничества у лидеров центральноазиатских стран нарастало разочарование в партнерстве с США. Афганский вопрос был решен не самым выгодным для стран региона способом, по сути консервируя период нестабильности на десятилетие, что влекло за собой активизацию наркотрафика, торговлю оружием, укрепление террористического подполья. Кроме того, события 2005 года в Анджане показали, что США не будут легитимизировать центральноазиатские режимы с нарастающим вектором авторитаризма⁴. В то время приоритетом для России были

³ Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и Секретариатом ШОС, 2007, 5 окт. // URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=31>

⁴ J. Nichol. Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests, 2013, 20 Nov. Congressional Research Service. // URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/218963.pdf>

не проблемы политических режимов, а сохранение светского характера центральноазиатских государств.

Попытка США предложить более комплексную концепцию политики в Центральной Азии также не принесла успеха. Проект «Нового Шелкового пути»⁵, ключевая роль в котором отводилась Афганистану как звену, соединяющему Центральную и Южную Азию, оказавшись излишне амбициозным, и, по нашему мнению, нежизнеспособным. Помимо этого, США в поисках региональной поддержки основывались на двусторонних отношениях, пытаясь выделить одного лидера в регионе для реализации своих интересов. Такая тактика оказалась полностью неэффективной, поскольку внутри региона исторически существуют неразрешенные конфликты и внутреннее соперничество, а появление поддерживаемого США регионального лидера обрекало последнего на жесткое противостояние с соседями. Соответственно, в результате подобных действий происходила не консолидация регионов, а искусственное дробление, что играло на пользу России и Китая, предлагавшим вариант коллективного договора на основе равноправного сотрудничества и консолидации региона.

Принципиально новой инициативой России в регионе в 2000-х годах стали интеграционные инициативы. Создание ЕврАзЭС — один из наиболее эффективных инструментов по углублению интеграции на постсоветском пространстве. Страны Центральной Азии стали участниками и Зоны свободной торговли, и Таможенного союза, а Казахстан стал членом ЕЭП. В настоящее время присоединение к евразийскому интеграционному проекту планируют Киргизия и Армения.

Несмотря на обилие интеграционных инициатив, экономические предпосылки для интеграции внутри региона достаточно слабые. Доля во внешнем товарообороте России всех стран СНГ за последние десять лет не превышала 20%, а доля стран Центральной Азии — 4%. Большая часть этого товарооборота обеспечивается торговлей углеводородами. Стремление к интеграции детерминируется преимущественно политическими факторами.

Центральная Азия входит в зону внешнеполитических интересов России на протяжении нескольких столетий. Однако до настоящего

времени современная Россия так и не смогла сформулировать комплексную политическую стратегию в данном регионе. Основной диссонанс задается конфликтом между декларируемой приоритетностью Центральной Азии во внешнеполитических интересах РФ и отсутствием выработанной целостной политики в этом регионе на протяжении последних двух десятилетий.

Предпринимаемые Россией усилия по проведению в Центральной Азии тех или иных мер как в политической, так и в экономической сферах либо носят тактический характер, либо отвечают конъюнктурным интересам различных внутренних акторов. Говорить об экономической или политической монополии России в данном регионе на сегодняшний день не приходится. В экономическом плане Россия не обладает необходимыми и достаточными ресурсами, чтобы монополизировать рынки Центральной Азии. Более того, она к этому не стремится. Основной вектор взаимодействия приходится на ключевые для России отрасли региональной экономики — энергетика, транзит углеводородов, отчасти экспорт российской промышленной продукции.

Долгое время входившие в состав Российской империи, а затем в СССР, страны Центральной Азии после обретения независимости продолжали сохранять тесные связи с Россией. Близость и взаимодополняемость экономик России и новых независимых государств Центральной Азии, оставшаяся в наследство от советского прошлого, не была преодолена даже в моменты подъема националистических и антироссийских настроений после обретения независимости. Страны, чья экономика базируется на экспорте энергоресурсов (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан) используют транспортную инфраструктуру России для экспорта своих энергоресурсов на Запад, а страны с ограниченной экспортной базой и слабыми экономикami используют ее рынок для вывоза собственной рабочей силы, что является необходимым условием сохранения относительно стабильной ситуации внутри страны. Со своей стороны Россия использует обширный рынок Центральной Азии для реализации собственной промышленной продукции, энергоресурсов и продовольствия.

Помимо этого, в 2000-е годы огромные потоки трудовых мигрантов из Центральной Азии, которых принимает Россия, сформировали

⁵ R. D. Hormats. The United States' "New Silk Road" Strategy: What is it? Where is it Headed? 2011. 29 Sept. // URL: <<http://www.state.gov/e/rls/rmk/2011/174800.htm>>

еще один важный фактор, связывающий экономики нашей страны и региона. Большой поток нелегальных мигрантов в условиях безвизового въезда затрудняет реальную оценку числа мигрантов в России. По разным данным их численность колеблется от 15 до 20 млн. человек⁶. По оценкам ФМС России, более половины мигрантов в России в 2010 году были выходцами из стран Центральной Азии. Несмотря на противоречивость последствий такого миграционного бума, его воздействие, в том числе и политическое, на обе стороны сложно переоценить. Кроме того, несмотря на существенный отток этнических русских из центральноазиатских республик в 1990-е годы, в странах Центральной Азии сохраняются большие русскоязычные диаспоры. В самой России за последние годы также сформировались многочисленные диаспоры выходцев из Центральной Азии, в том числе успешно натурализовавшихся.

Таким образом, можно говорить о том, что в экономической сфере Россия и Центральная Азия продолжают взаимодействие по схемам, выработанным еще в СССР, отчасти модернизированным в условиях обретенной республиками независимости. Новые области и стратегии взаимодействия формируются крайне медленно и тяжело.

Одним из основных внешнеполитических приоритетов России во втором десятилетии XXI в является сохранение своего доминирующего влияния на постсоветском пространстве. Большинство западных и южных бывших республик СССР уже сделали свой геополитический выбор в последние десятилетия. Тем не менее Центральная Азия остается регионом, где сталкиваются интересы нескольких региональных и глобальных лидеров, что стимулирует участие России в борьбе за свое влияние в нем. Однако эта борьба носит, скорее, агрегирующий характер на активные действия других игроков, так как в силу относительно слабых экономик и изолированного географического положения зависимость региона от России неминуемо будет сохраняться в среднесрочной перспективе. В 2010-х годах именно Центральная Азия стала объектом интеграционных амбиций России. Партнерство с Казахстаном, обладающим сильной экономикой,

⁶ Сянищина И., «Экономическое взаимодействие России и стран Центральной Азии: тенденции и перспективы». Доклад №5. Бишкек: Университет Центральной Азии, 2012. // URL: <<http://www.icentralasia.org/downloads/UCA-IPRA-WP5-RussiaInfluence-Rus.pdf>>

создает ядро Таможенного союза и ЕЭП в контексте евразийского интеграционного процесса. Включение в Таможенный союз Киргизии и Таджикистана не окажут ключевого изменения на баланс сил в Центральной Азии, но позволят России усилить свою репутацию регионального лидера.

Несмотря на указанные преимущества и сильные исходные позиции, общий характер политики России в Центральной Азии можно определить как в целом пассивный, входящий в активную фазу в моменты конкуренции с другими внешними для региона игроками, прежде всего западными. При этом можно выделить две наиболее острые точки для активизации конкурентной борьбы — энергетика и безопасность. Экономические ниши, занимаемые Россией в регионе, обладают большим запасом прочности. Строительство альтернативных транспортных потоков для экспорта сырья и энергоресурсов продвигается достаточно медленно по объективным и субъективным причинам. В связи с этим Россия стремится развивать сотрудничество в области энергетики, куда и направляется основной поток российских инвестиций.

Вопросы безопасности — ключевые для всего региона. Соседство с Афганистаном и Пакистаном повышает угрозы международного терроризма, экстремизма и наркотрафика. Наличие глубоких внутрирегиональных межэтнических конфликтов вкупе с тяжелой экономической ситуацией и высокой рождаемостью в последние десятилетия приводит к серьезному усилению рисков. В условиях фактически открытых границ и многочисленных диаспор на территории России, она оказывается под воздействием региональных рисков. Поэтому усиление военно-политического сотрудничества становится для РФ наиболее актуальным.

Внешнеполитический курс России в Центральной Азии и вектор взаимодействия с другими внерегиональными игроками определяется тремя ключевыми факторами:

- стремлением сохранить статус-кво в регионе;
- контролировать добычу и экспорт энергоресурсов в Центральной Азии;
- наращивать свой вес на международной арене за счет создания на постсоветском пространстве собственной интеграционной группировки.

1. Поддержание статус-кво в регионе

Важнейший приоритет во внешней политике России — поддержание стабильности и обеспечение безопасности в Центральной Азии. Особую остроту этой проблеме придает тот факт, что сам по себе регион является крайне нестабильным со множеством внутренних противоречий, которые могут дестабилизировать все постсоветское пространство. Одновременно соседство с таким failed states как Афганистан, делает регион транзитером рисков из Южной Азии на постсоветское пространство.

За первые годы независимости страны Центральной Азии пережили тяжелый экономический регресс, который в полной мере так и не удалось преодолеть до настоящего времени. Исключительно изолированное географическое положение региона и суровый климат препятствуют диверсификации внешней торговли. Экономика, базирующаяся на добыче и экспорте энергоресурсов, металлов и прочего сырья, находится под контролем политических режимов с высокой концентрацией личной власти. В результате перераспределение доходов от торговли ресурсами в пользу населения происходит лишь частично. Преимущественно они распределяются среди политических и военных элит, поддерживающих существующий режим.

Стремление жестко ограничивать присутствие оппозиционных элементов на политической арене привело к замиранию политической жизни. Политическая борьба была замещена закулисным столкновением элит. Это придает авторитарным режимам Центральной Азии дополнительную хрупкость, так как вопрос о смене лидера становится все более актуальным в силу естественного течения времени. Подобная хрупкость и риски, связанные со сменой правителя, как можно видеть на примере Киргизии, делают центральноазиатские страны условно привлекательными для долгосрочных инвестиций, особенно со стороны западных партнеров. Тяжелая экономическая ситуация и выросшее поколение эпохи центральноазиатского демографического взрыва конца 1980 — начала 1990-х годов провоцируют массовую миграцию населения прежде всего в Россию вследствие историко-культурной близости и относительной открытости границ.

Отдельную группу составляют риски, обусловленные внутренне-региональными противоречиями. В первую очередь, это споры

о границах, оставшихся в наследство от СССР, часть из которых до сих пор не определена и не демилитаризована. Эскалация приграничных конфликтов особенно опасна в условиях этнической чужеродности и высокой плотности населения в долинах Центральной Азии. Пример событий в г. Ош в 2010 году показал, как бытовые межэтнические противоречия превратились в кровавые погромы, во время которых встал вопрос о вмешательстве России в рамках ОДКБ⁷. В последние годы межэтническая напряженность нарастает в связи с тяжелым экономическим положением, а также водной проблемой. Противоречия между экономически слабыми странами-поставщиками воды в регион (Киргизия и Таджикистан) и более развитыми странами-потребителями воды (Узбекистан, Казахстан, Туркмения) уже ставили ситуацию в регионе на грань войны⁸. Желание первых продавать воду для укрепления своих экономик наталкивается на противодействие вторых, не желающих платить за жизненно важный ресурс. В итоге комплекс внутрирегиональных противоречий имеет большой потенциал для дестабилизации региона, требующей участия России.

Отдельным блоком можно выделить трансграничные угрозы, в блокировке которых за своими пределами заинтересована Россия. В первую очередь, это наркотрафик из Афганистана в Европу через Центральную Азию и в далее через Россию, который стал основным путем доставки афганского героина на Запад. Критическая экономическая ситуация в Афганистане сделала выращивание мака и производство опиатов одной из основных статей национальной торговли, инвестиции от которой идут в местный бизнес. Высокий уровень коррупции и низкие темпы экономического развития делают центральные азиатские страны надежным коридором для доставки наркотиков к открытым границам России. В результате в России самые высокие в Европе показатели по потреблению героина и инъекционных наркотиков, потребление героина в Центральной Азии стабильно растет. Следствием высокого уровня потребления инъекционных наркотиков

⁷ ОДКБ допускает любые меры в связи с насилием в Киргизии // ВВС. 2010. 14 июня. // URL: <http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/06/100610_csto_kyrgyz.shtml>

⁸ Каримов И., В регионе может начаться война. // URL: <<http://inosmi.ru/sngbaltia/20120913/199096072.html>>

становится самым высоким в Европе темп роста заболевания ВИЧ инфекцией и СПИДом в России.

Глобальный характер данной угрозы требует для ее нейтрализации международного взаимодействия, но, несмотря на декларируемые усилия, больших успехов в совместной борьбе с наркотрафиком достичь пока не удается. Кроме того, простое ограничение выращивания и производства наркотических веществ также само по себе несет дестабилизирующую составляющую, поскольку производство и перевозка наркотиков в некоторых районах Центральной Азии стали основой экономической жизни. Доходы от наркобизнеса идут на финансирование смежной теневой деятельности, в том числе на поддержку радикального исламского экстремизма, защита от которого является приоритетом внутренней политики стран Центральной Азии.

Бедность населения, коррупция, отсутствие социальных лифтов и перспектив создают благоприятную среду для действия исламистов в Центральной Азии. Открытые границы и массовая миграция предрасполагают возможность создания теократического исламского государства на территории Центральной Азии в прямую угрозу безопасности России. Именно сотрудничество с секуляризованной властью — основа для сохранения российского влияния в регионе. Приход к власти исламистов будет означать усиление влияния в регионе мусульманских стран, прежде всего стран Персидского залива и Саудовской Аравии.

Присутствие и смешанное расселение в Центральной Азии мусульман различного толка в случае прихода к власти радикальных элементов будет причиной для разжигания внутрирегионального напряжения. При этом особую опасность представляют не партии умеренного ислама, пытающиеся принимать участие в политической жизни, как, например Партия исламского возрождения Таджикистана, а более мелкие исламские группировки, действующие под видом общественных объединений, которые в случае общей дестабилизации в регионе будут играть роль дополнительного деструктивного фактора.

В таких условиях, когда внутренние региональные риски резонируют с внешнерегиональными глобальными угрозами, основным приоритетом России в регионе является сохранение стабильности, то есть статуса-кво. Достигнув консенсуса с основными

центральноазиатскими политическими игроками Россия стремится к консервации существующих политических режимов, чьи попытки борьбы с выше обозначенными угрозами не всегда эффективны, но достаточны для сдерживания их на приемлемом для России уровне. Консервация существующих режимов со всеми их внутренними противоречиями, неэффективной экономической политикой, потребностью во внешней поддержке — тот политический вектор, который предлагает Россия Центральной Азии. Это дает большие возможности для развития диалога с другим крупным региональным лидером — Китаем, нацеленным на наращивание экономического сотрудничества в регионе. Выдвигая экономические, торговые и энергетические инициативы, Пекин, готов сотрудничать с существующими центральноазиатскими режимами. Его инициативы становятся экономической составляющей региональной стабилизации, политическую составляющую которой обеспечивает Россия. Именно этот сценарий, отвечающий интересам как России, так и Китая, нашел наибольшую поддержку у центральноазиатских режимов, поскольку фактически обеспечивает им сохранность. США же, предлагающие проекты по включению центральноазиатских государств в новый макрорегион для активизации социально-экономической жизни, а также же выступающие за развитие гражданского общества и соблюдение прав человека в регионе, нацелены на трансформацию сложившихся политических режимов в сторону более демократических. В результате сотрудничество с центральноазиатскими странами носит конъюнктурный характер, где обе стороны пытаются максимизировать прибыль при минимальных уступках. Тот же фактор провоцирует обостренные реакции России и Китая на усиление присутствия США в регионе.

Опыт «оранжевых революций» и особенно «арабской весны» показал, что демократизация «сверху» может привести к власти радикальных исламистов, что является крайне нежелательным сценарием развития для России⁹ и Китая и будет означать потерю их влияния в регионе. Именно такой расстановкой сил можно объяснить реагирующий характер российской внешней политики в Центральной Азии

⁹ Путин В.В., Россия и меняющийся мир // Московские новости, 2014. 27 февр. // URL: <<http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>>

даже в условиях повышенного интереса к региону и собственных интетрационных амбиций.

Стремление сохранить текущий баланс сил, в котором Россия использует Центральную Азию как показатель своего геополитического веса, мешает России сформулировать собственную долгосрочную региональную стратегию. Незбежные внутриполитические изменения в центральноазиатских странах, связанные с передачей власти и отсупствием наследников у нынешних лидеров, будут требовать вмешательства России и одновременно трансформировать ее внешнеполитическую линию в отношении Центральной Азии.

2. Сохранение контроля России над экспортом энергоресурсов из Центральной Азии

Интересы России в сфере энергетики в Центральной Азии сложно отделимы от ее геополитических интересов. Торговля углеводородами и их транзит, как отмечалось, — основа экономик лидеров центральноазиатского региона — Узбекистана, Туркменистана и Казахстана. Географическая изоляция региона и использование советских трубопроводов «Азия — Центр», проходящих через территорию России, обеспечивали ей доминирование в этой отрасли центральноазиатской экономики до 2000-х годов. На сегодняшний день Россия сталкивается с жесткой конкуренцией как в добыче, так и в транзите энергоресурсов. Наиболее активно развиваются отношения с лидерами энергетического рынка Центральной Азии — Туркменистаном и Казахстаном, тесно технологически связанными с приграничными регионами России с советской эпохи. Именно это тесное сотрудничество является базой для интеграционных инициатив в рамках Таможенного союза и ЕЭП. Отношения с Туркменистаном с середины 2000-х годов можно охарактеризовать, скорее, как конкуренцию, чем сотрудничество, особенно на китайском рынке после запуска газопровода Туркменистан — Китай¹⁰.

¹⁰ Копытин И.А., Масленников А.О., «Диверсификация газового экспорта Туркменистана: планы и реалии, Центральная Азия: роль в перестройке мировых рынков нефти и природного газа», М.: ИМЭМО РАН, 2014. // URL: <http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2014/2014_003.pdf>

Стремление стран Центральной Азии найти пути для диверсификации маршрутов экспорта своих энергоресурсов практически не встретило сопротивления со стороны России. Тем не менее ее интересы прямо противоположны интересам западных стран в области энергетики в Центральной Азии. Для России приоритетом является ограничение прямого доступа к местным энергоснабжителям западных стран, а также ограничение участия в прямой торговле энергоснабжителями стран, не входящих в ОПЕК, чтобы избежать выхода на рынок новых игроков и снижения цен. Однако последовательной концепции продвижения собственных интересов в области энергетики выработано не было. Основными российскими игроками на местных рынках являются государственные корпорации, такие как «Газпром». Если на объектах, требующих долгосрочных инвестиций и малопривлекательных для внерегиональных инвесторов, сотрудничество ведется в позитивном ключе (передача газотранспортной системы Киргизии «Газпрому», инвестиции в строительство ГЭС и каскадов водохранилищ в Таджикистане и Киргизии и др.), то при конкуренции за разработку месторождений и транспортировку энергоснабжителей России все труднее сохранять свое влияние. Кроме того, необходимо учесть, что российские инвестиции практически не защищены в Центральной Азии, что заставляет Москву искусственно сдерживать собственное экономическое участие в развитии региона.

Центральноазиатские страны-экспортеры заинтересованы в максимальной диверсификации экспорта энергоресурсов по основным трем направлениям:

- поставки на Запад с использованием российских трубопроводов;
- участие в проектах по строительству трубопроводов на Запад, минуя Россию;
- прямые поставки энергоснабжителей в Китай.

Такие приоритеты входят в противоречие с интересами России, стремящейся сохранить свой статус посредника в торговле энергоресурсами и усугубить изоляцию центральноазиатских экономик. Однако в целом в экономической сфере Россия смогла занять приоритетную для себя нишу и относительно эффективно действовать для защиты собственных интересов. Реагирующий характер действий России в регионе обусловлен нехваткой гибкости и оперативности.

3. Продвижение интеграционных инициатив и усиление собственного политического влияния на международной арене

Нарастание собственного геополитического потенциала через формирование евразийских интеграционных образований стало приоритетом во внешней политике России за последние пять лет. Именно в этот период интеграционный вектор России сместился с желаний привлечь в интеграционную группировку максимальное число участников на ускорение темпов. В 2011 году было сформировано ядро будущего Евразийского союза — Таможенный союз — из России, Белоруссии и Казахстана. Процесс вступления Киргизии в Таможенный союз занял три года вследствие экономической нестабильности в стране, однако в 2014 году интеграция должна быть завершена. После присоединения Киргизии будет поставлен вопрос о присоединении Таджикистана, который в 2012 году заявил о намерении вступить в ТС. Узбекистан и Туркменистан уже объявили, что не планируют присоединяться к российским интеграционным образованиям, поскольку видят в них попытку возрождения СССР, хотя Москва постоянно подчеркивает, что интеграционные процессы нацелены на экономическую консолидацию постсоветского пространства, а не на установление политической гегемонии России.

Сценарии, которые предлагает Россия по региональной интеграции подразумевают сохранение за ней роли интеграционного двигателя. Тем самым Россия в своем желании создать региональное интеграционное объединение позиционирует себя в качестве регионального гегемона, стремящегося нарастить военно-политическую мощь путем организации собственного экономического блока, защищенного единым таможенным тарифом¹¹. По сути, Россией был запущен механизм легитимизации существующего положения дел, при котором ее помощь в Центральной Азии расценивалась как необходимый элемент взаимоотношений даже после обретения независимости, а отказ от поддержки воспринимался как давление на регион и угрозу стабильности.

¹¹ Братерский М.В. «Невоенные рычаги внешней политики России. Региональные и глобальные механизмы», М.: Изд. НИУ ВШЭ, 2012. с. 145.

В течение последних пяти лет впервые с распада Советского Союза Россия пытается сформулировать собственные интересы в Центральной Азии и предложить долгосрочный формат сотрудничества в виде интеграционного объединения. Целостная внешнеполитическая концепция в отношении Центральной Азии Россией пока не разработана, но приоритеты уже выбраны.

Россия нацелена на поддержание безопасности и консервацию существующих политических режимов в Центральной Азии, опасаясь «арабской весны» в регионе и исламизации. Основным партнером в этой области для России на сегодняшний день является Китай. Сотрудничество в сфере безопасности двух региональных лидеров дало возможность поддерживать мир в регионе с крайне высокими рисками. Развитие сотрудничества в рамках ШОС и ОДКБ позволяют рассчитывать на дальнейшую стабилизацию обстановки в Центральной Азии, поскольку после вывода из Афганистана войск НАТО, ШОС и ОДКБ станут главными гарантами региональной безопасности.

В экономической сфере Россия придерживается традиционной для себя стратегии контроля над добычей и транспортировкой энергоресурсов. Раздел новых рынков произошел в 1990-х годах, и Россия проявила себя достаточно пассивно, однако смогла выдержать конкуренцию в начале 2000-х годов и прочно утвердилась на центральноазиатских рынках. На сегодняшний день все внерегиональные игроки получили свою долю на центральноазиатских рынках. Интересы России находятся в противоречии с интересами ЕС и США, стремящихся диверсифицировать экспортные возможности стран Центральной Азии.

В отношении Китая Россия сама вступает в конкуренцию за китайский рынок энергоносителей с региональными игроками, прежде всего с Туркменистаном. В результате российско-китайское сотрудничество в Центральной Азии становится одним из факторов региональной стабилизации. Однако стремление России включить центральноазиатские страны в Таможенный союз, а затем в ЕЭП, может вызвать напряженное отношение со стороны Пекина, борющегося за центральноазиатские рынки сбыта. Тем не менее в среднесрочной перспективе именно Китай будет оставаться главным партнером России в реализации ее внешнеполитических инициатив в этом регионе.